

16.4.96.

Радимов Павел

Павел Радимов — “последний из могикан”

Всех. келюб. - 1996. - 16 апр. - с. 7.

Его поручителем был Репин

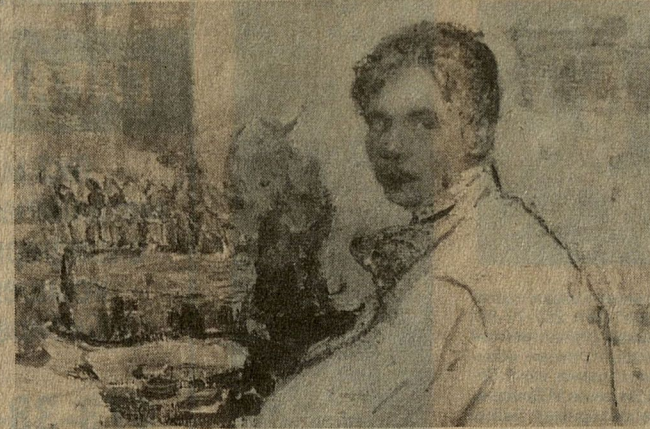
В Российском национальном коммерческом банке (Б. Молчановка, 12) сегодня открывается выставка художника и поэта Павла Радимова. Этот “последний из могикан” русского передвижничества смотрел на жизнь лукаво, весело и просто. Впрочем, для этого ему понадобилось немало мужества.

Он родился на излете XIX века, в 1887 году. По логике того столетия надлежало быть ему священником вслед за прадедом, дедом и отцом. Но новорожденный XX век внес в семейные традиции свои коррективы: в революционном 1905-м Радимова исключили из Рязанской духовной семинарии после небольшой ссоры. Картины и стихи он начал писать еще там.

В 1912 году выходит его первый сборник стихов “Земная риза”, в 1914-м Радимова принимают в члены Товарищества передвижных художественных выставок (поручителями были Репин и Поленев).

Десять лет — время мистики и декаданса. А Радимов пишет стихи, в которых нет столь модных страданий и истерзанного нищезащитства духа, только вера и покой. И картины, идеи и образы которых не нужно отыскивать среди замысловатых символов, — здесь только жизнь и ничего больше.

Двадцатые годы приносят с собой пятилетку, авангард и диспуты. На одном из таких поэтических диспутов Радимов познакомился с Маяковским, на другом — с Есениным. Стал ходить в литературное кафе “Стоило Пегаса”. Там, рассказывал Павел Александрович, Есенин впервые прочел “Не жалю, не зову, не плачу...” В тот день они пришли в “Стоило Пегаса” вместе. При входе Есенин повздорил с каким-то посетителем, который все не мог понять, почему вчера за вход просили полтинник, а сегодня рубль. Есенин сказал: “Сегодня в этот рубль входит моя поэма “Пугачев”. “А зачем мне Пугачев?” — выставил свой резон

“Автопортрет”. 1910 г.

посетитель. На это у Есенина не нашлось другого ответа, кроме одного малоприличного слова. Скандал уже готов был разбушеваться, но Есенина вовремя отвели в отдельную комнату, где он сидел, положив голову на руки, пока из зала не донеслось: “Есенин пьян”. Но все обошлось без перебранки, он вышел к публике и прочел одно из своих самых пронзительных стихотворений. Павел Александрович заметил у него в руках клочок бумаги, но весь текст там уместиться не мог...

Художественная жизнь Советской России кипела и скандалила не меньше поэтической. Штурман Луначарский крикнул “Лево руля”, и корабль искусства стал стремительно заваливаться в волны авангарда. “В Москве, — вспоминает Радимов, — была расклеена афиша о докладе художника Альтмана “Смерть станковому искусству”, деревья Александровского сада под Кремлем были окрашены в голубой цвет

— это группа художников-испытателей пыталась изменить искусственными красками природу... В приемной А. В. Луначарского художник Малевич повесил картину: белый холст и посередине одна черная точка. Теперешний американский гражданин Давид Бурлюк читал лекции на тему “Автомобиль красивее тела Венеры Милосской”, читал свои лекции о том, что небо — труп, звезды — труп, земля — труп. От такого кладбища не было бы в искусстве спасения, если бы не образовалась иная группа художников”.

Передвижники к тому времени были разогнаны и практически лишены возможности “передвигать” по стране свои выставки. Радимов предложил возродить Товарищество передвижных выставок, чуть позже оно преобразовалось в Ассоциацию художников революционной России (АХРР), Павел Александрович стал первым ее председателем. Он знакомит-

ся с Ворошиловым, Луначарским, Буденным, получает мастерскую в Кремле. Кажется, пришло время вплотную заняться карьерой и укреплением материального благосостояния. Достаточно лишь создать галерею нужных портретов. Чем же занимается Радимов? Этюдами. Пишет кремлевские соборы и церкви — те, что потом взорвали.

А в глухие тридцатые, когда полифония поэзии и левизна живописи были прикрыты гранитной плитой соцреализма, вновь не модное передвижничество спасло жизнь Павлу Александровичу. Как-то так складывалось, что он не особенно мозолил глаза Власти, находясь повсюду и нигде. Казань, Москва, Ашхабад, Хорезм, снова Казань... Передвижные выставки по колхозам Калининской области, вернисажи в Москве, Абрамцево, Загорске, Ялте, Хиве. И все-таки однажды Радимова почти догнали. Он начал писать воспоминания, в том числе о тех, кого знал по работе в АХРР и по этюдам в Кремле. Кто-то из своих сообщил об этом на Лубянку. Кто-то с Лубянки (его имя Павел Александрович не называл) приехал к нему на дачу и велел жечь воспоминания. Когда за Радимовым пришли, он взял только этюдник и холст. На Лубянке его продержали до вечера, за это время Павел Александрович написал прелестный вид из окна. Кто-то из знакомых его случайно увидел, через некоторое время Радимову разрешили уйти. На лестнице он встретил своего “знакомца”, тот настоятельно порекомендовал уехать из Москвы. Что Радимов и поспешил сделать.

Тогда же он выставляет свои работы в народной чайной подмосковного Хотькова. Где самозабвение и снобизм, присущие столь маститому художнику? Есть только лукаво-снисходительный прищур: если люди просят, почему бы не сделать выставку в чайной.

В долгожданные расстрепанные ветром перемены пятидесяти он все чаще стал уезжать на дачу в Абрамцево (где организовал маленький музей с бесплатным посещением). Павильончик построили прямо на его участке, там он выставлял свои работы. Каждый день Радимов вместе с сыном ходил на этюды. Они садились рядом и писали, не делая друг другу никаких замечаний, ничего не исправляя. Радимов-старший только советовал: “Начинай этюд с неба, если сможешь его уловить — все получится”. Павел Александрович строго придерживался установленной однажды нормы: писать в день один этюд и одно стихотворение.

Этюды шестидесяти годов Радимов не дописал. Хотя мог бы наверняка еще и усмехнуться семидесятым в серии набросков — он работал до последнего дня. Того дня, когда к нему в Абрамцево приехал кто-то из редакторов готовящейся к изданию книги стихов. И попросил взятку. Радимов возмутился, вытянул “гостя” палкой по спине и выгнал из дома. А через несколько дней умер от инсульта.

...В книге отзывов Абрамцевского музея среди прочих записей есть и такая: “Неожиданная встреча с Павлом Александровичем заменила мне счастье”.

Ольга СЕРГЕЕВА.